

Н у р а й н а С а т т а е в а

ФАНТАЗИЯ

Шесть утра, а Айза так и не заснула. В этот раз ничего не помогло: ни чайная ложка меда, ни теплое соевое молоко, ни Эд Ширан, поющий в наушниках. Айза накинула курительную куртку мамы и вышла на балкон. Рассвета никто не ждал — только она и непонятно откуда появившаяся одинокая ворона на верхушке старой водозаборной башни. Было еще темно, чернильное небо навалилось на парк, и кроны деревьев словно пригнулись под его тяжестью в ожидании долгой зимы.

С зимой они не сошлись характерами. Ей хотелось праздника: сверкающего шара со снеговиком внутри, коробки «птичьего молока» с белой начинкой, не какой-то там лимонной, а непременно белой, и чтобы на двери висел венок из еловых лап, пахучих и пушистых. Зима все-таки принесла венок, но другой, из пластиковых цветов. Так под Новый год не вернулась домой мама. И сейчас, почти год спустя, Айзе вновь захотелось чего-то праздничного.

Внезапно кто-то заиграл на пианино «Лунную сонату». Айза прикрыла глаза и прислушалась. Игнали неумело, но старательно. Она вспомнила, что вчера в квартиру напротив заехали новые жильцы и девочка в старомодном клетчатом платье, с огромным белым бантом на макушке, сторожила вещи.

— Каррр! — истошно вскрикнула ворона и улетела.

Тут же все смолкло.

Айза зашла внутрь. Снова зазвучала «Лунная соната».

«Упорная, не сдается», — подумала Айза, надела наушники и села за компьютер.

Девочка целый день без усталости стучала по клавишам, и, что самое странное, наушники не помогали Айзе. К вечеру она решила сходить к соседям. Дверь никто не открыл. Внизу зашаркали чьи-то шаги, звякнуло ведро, и на лестничной площадке показалась уборщица.

— Нету их. Полчаса назад уехали, — сказала она, бросив на ступеньку тряпку, истекающую черной водой.

— Как? — удивилась Айза. — А кто на пианино занимается?

— Где?

— Не слышите, что ли?

Уборщица с недоверием взглянула на Айзу, прислонилась ухом к двери и замерла.

— Тишина, — проговорила она немного погодя, — ты поспала бы, а то лица на тебе нет, вся бледная. Так недолго и вслед за матерью. Вон мерещится всякое.

Айза вернулась к себе. Музыка стала громче.

«Я так с ума сойду», — подумала она, нацепила наушники и с головой нырнула под одеяло.

Лишь спустя несколько часов Айза перестала ворочаться и затихла. Но после полуночи соната зазвучала вновь. На этот раз так громко, что даже наушники не помогли.

— Да они больные! — Айза соскочила с кровати, сунула босые ноги в ботинки, выскочила на лестницу и забарабанила в соседскую дверь.

— Кто? — наконец-то из квартиры раздался сонный голос.

— Соседка! Айза! — крикнула она.

Дверь распахнулась, появился мужчина в мятой футболке и шортах.

— Вам чего? — спросил он грубо.

— Можно хотя бы ночью не играть на пианино! — решительно сказала Айза.

— Чего?! Мы спим вообще-то.

— Как? Разве вы не слышите? Это ваша девочка играет!

Из-за спины мужчины высунулась растрепанная голова жены и завопила:

— Кто? Нет у нас детей!

Айза растерянно посмотрела на них и проговорила:

— Вчера же сидела тут на площадке...

— Не было! И пианино нет! Сами посмотрите! — Мужчина схватил Айзу за руку и потащил в квартиру.

Пианино нигде не было. Девочки тоже.

— Простите. Наверное, я ошиблась, — пробормотала Айза и выскочила на лестничную площадку.

Зайдя в свою квартиру, она снова услышала сонату. Долго не могла успокоиться — то кругами ходила по прихожей, то выбегала на

балкон. Внезапно дверь в комнату матери приоткрылась, и музыка зазвучала еще громче. Айза заглянула. В темноте, за пианино сидела девочка в клетчатом платье, с белым бантом на макушке.

— Я немножко позанимаюсь? — спросила она, не оборачиваясь. — К конкурсу готовлюсь. Если плохо выступлю, родители меня накажут.

— Как ты сюда попала? — пролепетала Айза.

— Так дверь же была открыта! — засмеялась девочка, и Айзе стало не по себе от ее смеха.

— Уже ночь, иди домой.

— Я вам не помешаю. Вы же все равно ничего не слышите.

— Слышу! — возмутилась Айза и потянулась к крышке пианино, чтобы захлопнуть ее.

— А в тот раз сказала, что не слышала! — маминым голосом крикнула девочка, и глаза ее сверкнули неестественной чернотой.

Айза обмякла, пошатываясь, пошла к себе и спряталась под одеяло, стараясь подавить нервную дрожь...

«Айза! Айза!» — звала ее мама, но ей так не хотелось вставать с кровати. Она нацепила наушники и притворилась, что спит.

Потом случился инсульт, и, когда маму увозили на скорой, Айза все повторяла:

«Я же в наушниках была. В наушниках!»

Мама тогда широко раскрыла глаза и сказала:

«Ты слышала...»

Музыка уже гремела вовсю, словно подключили усилитель звука. Айза попыталась собрать остатки разума, уговорить себя, что никого кроме нее в квартире нет и не было, и все это бред, какой возникает после долгих бессонных ночей. Уже совсем скоро рассветет, и долгожданное солнце погасит луну, а вместе с ней исчезнет девочка со своим черным, как катафалк, пианино. Но звук нарастал, и мысли окончательно заглохли под мощным напором музыки.

— Слышу, — прошептала Айза одно лишь слово, а потом вдруг закричала: — Слышу! Слышу я!

Но девочка не слышала ее и, отыграв последний аккорд, начинала сонату заново.

